

УДК 81-13

https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/64

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

©Исакова М. Т., Ошский государственный университет,
г. Ош, Кыргызстан, mika_isakova@mail.ru

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF EMOTIONS AS A WAY OF FORMING A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

©Isakova M., Osh State University,
Osh, Kyrgyzstan, mika_isakova@mail.ru

Аннотация. В последнее время в гуманитарных науках наблюдается повышенный интерес к изучению эмоциональной сферы человека и ее роли в повседневной-практической, когнитивно-познавательной и коммуникативно-речевой деятельности людей, в формировании и регулировании их поведения в обществе, что находит свое отражение в проведении многочисленных международных конференций по проблематике эмотивности и растущем росте научных трудов: статей, монографий, диссертаций и методических руководств в рамках теории «эмотивизма» в психологии, социологии, этнологии, философии, когнитологии, языкознании и других науках. Целью исследования является комплексное когнитивно-языковое описание эмотивов радости в английском, русском и кыргызском языках их семантики и национальной специфики в индивидуально-авторском языковом сознании.

Abstract. Recently, in the humanities, there has been an increased interest in the study of the emotional sphere of a person and its role in everyday practical, cognitive, cognitive and communicative speech activities of people, in the formation and regulation of their behavior in society, which is reflected in numerous international conferences. on the issue of emotivity and the growing growth of scientific works: articles, monographs, dissertations and methodological manuals within the framework of the theory of ‘emotivism’ in psychology, sociology, ethnology, philosophy, cognitive science, linguistics and other sciences. The aim of the study is a comprehensive cognitive-linguistic description of the emotives of joy in the English, Russian and Kyrgyz languages, their semantics and national specifics in the individual author's linguistic consciousness.

Ключевые слова: лингвокультура, когнитология, концептосфера, эмоция, репрезентация, язык, культура.

Keywords: linguistic culture, cognitive science, sphere of concepts, emotion, representation, language, culture.

По мнению большинства лингвистов-когнитологов при изучении языковой картины мира обязательным образом должны исследоваться отдельные характерные для данного языка концепты — стереотипные установки, возникающие у всех членов данного языкового коллектива [1–8]. Актуальность исследования определяется тем, что для осмысления эмотивного пространства в теории языка концептуализация и категоризация эмоций

рассматривались не так часто, хотя необходимость изучения специфики лингвистического представления эмоциональной сферы личности / народа в настоящий момент является достаточно высокой. Актуальным является также изучение механизмов и способов объективации эмоций.

Сегодня можно с полным основанием констатировать, что наука достаточно существенно продвинулась в понимании эмоциональной сферы. Уже не вызывает сомнения тот факт, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и стилем мышления человека. Проблема изучения лингвистической репрезентации эмоций, т. е. проблема их проявления в языке и речи, восходит к работам таких зарубежных исследователей, как М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом, Ш. Балли и других. Поскольку большинство ученых, среди которых К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом, считали основной функцией языка когнитивную функцию, то эмоциональный компонент лингвистических исследований долгое время был «в тени», хотя другая группа ученых (Ш. Балли, М. Бреаль) активно боролась за то, чтобы признать эмоции, если не центральной, то одной из ведущих функций языка. Взаимосвязь культуры, эмоциональной концептосферы и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой лингвокультуры. Являясь частью естественного развития человеческой расы, базовые эмоции универсальны и узнаваемы во всех этнокультурах, но различаются по своим формам проявления. Психика, сознание, мышление и язык тесно взаимосвязаны и это уже не вызывает сомнения, в любом языке имеются эмотивные знаки, с помощью которых вербализуются эмоциональные отношения человека к миру. Особую значимость для выработки подходов к изучению эмоций имеет включение когнитивных факторов. Когнитология как наука о структуре знаний, их формировании, материализации и трансляции тесно связана с эмотиологией — «наукой о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [1, с. 17].

Итак, к настоящему моменту накоплен большой опыт изучения эмоций в языке. Эмоции стали предметом многочисленных исследований, проводимых на материале разных языков. Выделены сотни аспектов, подняты десятки проблем исследования эмоций в разных теоретических парадигмах: прагмалингвистики, социолингвистики, лингвистики текста, лексикографии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и др.

Предметом данного исследования является эмоциональная концептосфера кыргызской и английской лингвокультур. В качестве объекта исследования выступают вербальные репрезентации эмоциональных выражений в разноэтносных картинах мира. Актуальность данного исследования обусловлена связью с когнитивной лингвистикой. В работе ставится проблема изучения особенностей межкультурных различий, находящих свое отражение в языке, сознании и эмоции. В качестве фактического материала мы выбрали синонимические ряды концептов эмоций *радость / печаль / горе - кубаныч / кайгы / кана*.

В каждом языке существует свой собственный, национально идентичный лексикон эмоций, ни у кого из исследователей сомнения не вызывало, но каковы языковые формы и способы выражения эмоций, каковы функции эмоциональной лексики в организации языкового общения – это у ученых всего мира вызывало и по-прежнему вызывает неподдельный интерес. Особенно активно в современной лингвистике исследуется специфика соотношения языковых и речевых проявлений эмоций, проблема взаимосвязи вербального и невербального речевого поведения у представителей различных лингвокультур.

Н. А. Красавский, используя понятие «эмоциональная языковая картина мира»,

характеризует ее как «определенное множество эмоционально «проработанных» человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом -перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений оязыковленных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» [2, с. 29]. Эмоциоконцептосфера представляет собой совокупность эмоциональных концептов, наиболее типичных для данной языковой общности.

Поскольку эмоциональные концепты являются ментальными сущностями, их можно интерпретировать как особую форму метарегуляции психических процессов, основанной на знаковой репрезентации, которая обеспечивает обобщенную, абстрактную, социально-выработанную категоризацию и организацию информации об эмоциональных переживаниях в виде системы взаимосвязанных языковых значений [3, с. 54–55).

В. И. Шаховский называет концепт «камерой хранения эмоциональной памяти народа о ценности культуры, из которой все последующие поколения извлекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию, даже при наличии динамики содержания концептов в плане диахронии, которая неизбежна во времени» [1, с. 3–10].

Эмоциональный концепт, являясь разновидностью культурного концепта и сохраняя все его свойства, содержит дополнительные эмотивные, ценностные и оценочные характеристики. В основе любого эмоционального концепта лежит оценочный компонент, так как человек, познавая окружающую действительность, не может не оценивать ее.

Эмоциональный концепт есть лексикализованная эмоция, которая как знаковое образование существует, функционирует в лингвокультуре и, следовательно, отражает в себе эмоциональный опыт того или иного индивида, в целом социума, оценочно категоризирует, концептуализирует окружающий его мир. Лексема есть важнейшее средство вербального оформления эмоционального концепта. Эмоциональный концепт — это не только понятие, не только набор определенных когнитивных элементов, но и оценочные представления о самом понятии. Оязыковленный эмоциональный концепт, базирующийся на понятии, по мере погружения в культурное пространство конкретного этноса обрывает дополнительными вторичными признаками (образ, оценка). Поэтому важным этапом в процессе концептуализации эмоционального концепта является проблема их категоризации и объективации.

Под категоризацией следует понимать классификацию и систематизацию объектов в сознании человека, с одной стороны, и с другой, тот когнитивный процесс формирования мыслительных, классификационных признаков, которые являются общими для ряда, группы или многих концептов и обнаруживаются в отдельных концептах в концептосфере этноса [4, с. 127–128)

Во всех известных языковых системах имеются обозначения эмоций, и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, ее месте в ряду других эмоций, о причинах, ее вызывающих, и т.д. Разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, (что для японца хорошо, например, он будет гордиться сырой рыбой на обеденном столе, то для европейца, не знакомого с японскими обычаями и кухней, послужит источником совсем других эмоций), наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией. Это влияет на воспитание и социализацию, и, в свою очередь, на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики [5].

Различные эмоции, выраженные в словах и высказываниях, понятны всем говорящим

на данном языке, потому что они обобщены, потому что они действительно являются формой отражения мира, окружающего человека, и потому что они часть картины этого мира.

К примеру, концепты «удивление / таң калуу», «радость / кубаныч», «стыд / уят», «страх / коркуу», «печаль / горе / кайгы / кана», «гнев / ачуулануу», «презрение / отвращение / жек көрүү / жийиркенүү» имеют общую когнитивную базу, как для английской, так и для кыргызской лингвокультур. «Радость» и «удивление» мыслятся представителями обоих языков как положительные эмоции, а «страх», «гнев», «презрение», «отвращение», «печаль/горе», «стыд» — как отрицательные эмоции.

Видимые различия вербальных репрезентаций эмоциональных концептов «удивление», «радость», «стыд», «страх», «», «гнев», «презрение/отвращение», определяемые культурными факторами, могут проявляться в частных признаках, определяемых уникальными культурными функциями и формами проявления специфического этноментального содержания.

Далее представим синонимические ряды концептов эмоций «радость/ печаль/горе-кубаныч / кайгы / кана в английской и кыргызской лингвокультурах.

На основании данных, полученных из толковых словарей русского и английского языков, мы представляем следующие данные:

Концептуальное поле эмоции **радость** в английском языке: *pleasure, ecstasy, rapture, delight, bliss, felicity, triumph, happiness, excitement, exaltation, exultation, elation, enchantment, joy, joviality, thrill, enthusiasm, sunshine, glee, satisfaction, nirvana, admiration, gaiety, hilarity, merriment, mirth, enjoyment, gladness, contentment, gratification, amusement, cheer, liveliness, high-heartedness, self-fulfillment, schadenfreude, malice, delectation, jubilation*. Концепт **pleasure** — доминанта данного синонимического ряда.

Концептуальное поле эмоции **радость** в кыргызском языке: *кубаныч, бакыт, көңүлдүү, жыргал, шаттуу, үмүт, мээрим, ырыс, сүйүнүү, дардалаңда, куунак, (или көңүлү куунак), куштай, кушубак, кымпылдап, маашыркап, магдырап, суктануу, таалай, тамшан*. Концепт **кубаныч** — доминанта данного синонимического ряда.

В результате сопоставления кыргызской и английской картин мира мы обнаруживаем количественное превосходство английских концептов, называющих эмоцию **радость**: в английском 39, в кыргызском 19.

Концепт *радость* является одним из наиболее значимых эмотивных концептов, входящих в область национальной концептосферы любого языка. Именно в этом концепте в большей степени проявляется антропоцентризм языковой картины мира, т. к. данный концепт тесно связан с человеческой личностью, для которой важное место в жизни занимает позитивный настрой. Однако в английском и кыргызском языковом сознаниях концепт *радость* представлен неодинаково, имеет разный состав номинантов, сем и контекстов, хотя понятийная база данного концепта предполагает и общие для данных языков закономерности.

Эмоцию **печали** обычно относят к негативным переживаниям, однако нужно отметить, что это очень специфичная эмоция, она может играть и положительную роль в жизни человека. «Разве были бы мы способны к формированию крепких, устойчивых связей с людьми, разве дорожили бы ими, если бы возможность разрыва этих связей не вызывала у нас печали? И насколько человечными были бы мы, если бы мы не умели скорбеть о смерти любимого человека или сопереживать его горю?» [6, с. 196] Эмоция *печали / горя* по Изарду имеет свои универсальные активаторы:

1. Разлука, или отделение, как физическое, так и психологическое;

2. Смерть близкого друга или члена семьи;
3. Разочарование, крушение надежд;
4. Неудача в достижении поставленной цели.

Главной и универсальной причиной *печали/горя* является чувство утраты. Утрата может быть временной или постоянной, реальной или воображаемой, физической или психологической. В полном соответствии с общепризнанным мнением мы также относим эмоцию *печали / горя* к числу отрицательных эмоций.

Основываясь на данных различных лексикографических источников, мы получили следующий синонимический ряд концептов эмоции **печаль / горе** английской языковой картине: *anguish, grief, heart ache, heartbreak, broken heart, woe, sorrow, pain, hurt, ache, pang, scar, affliction, agony, wound, sadness, suffering, despair, gloom, distress, desolation, bereavement, dole, yearning, mourning, depression, discontent, melancholy, nostalgia, ennui, boredom, lassitude, apathy, emptiness*. Концепт *anguish* — доминанта данного синонимического ряда.

Концептуальное поле эмоции **печаль / горе** в кыргызском языке: *кайгы, коркуу, ачуулануу, сагыныч, арман, таарыныч, кусалануу, ардан, ызаа, санаа, апкаары, аза, азап-тозок, басыңкы, кабагы буркөө, алсыроо, алдаста, абдыроо, безилдөө, бук, жалгызсыроо*.

В результате сопоставления кыргызской и английской картин мира мы обнаруживаем количественное превосходство английских концептов, называющих эмоцию *печаль / горе*: 34 в английском и 21 в кыргызском языке.

Английский и кыргызский языки по-разному дифференцируют не только интенсивность эмоции *печаль / горе*, но и их качественное различие. Кыргызский язык предлагает меньшую дифференциацию рассматриваемого концепта.

Обнаруживаемые при сопоставлении английской и кыргызской языковых картин мира различия результатов вербализации эмоций свидетельствуют о том, что главенствующими при формировании лингвистических категорий являются не перцептивно-физиологические факторы, а факторы работы коллективного этнического сознания по категоризации чувственно воспринятой информации.

Данные языков свидетельствуют о том, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-разному. Проведенное нами исследование позволяет констатировать количественное превосходство концептов эмоций в английской языковой картине мира и разную градуальность, качество, глубину и интенсивность оязыковленных имен эмоций. Кыргызское языковое сознание продемонстрировало меньшую дифференциацию в лексикализации эмоциональных концептов, проявило меньшую нюансированность в концептуализации эмоций, но ярко выраженную оценочность и интенсивность [7].

Другая история, иная культура формируют другое сознание, порождающее определенные концепты и такое членение действительности, которое является прямым отражением тех или иных культурно-этнических доминант и несовпадения способов категоризации и, следовательно, концептуализации эмоций в английском и кыргызском языке. Английское языковое сознание склонно к большей детализации или категоризации эмоциональной картины мира и, как следствие, номинации различных оттенков эмоций. Как показало исследование, эмоциональные концепты одного лексического наполнения взаимно дополняют друг друга, последовательно расширяя объем эмоциональной концептуальной сферы. Неповторимость эмоциональной картины мира любого языка становится очевидной на фоне изучения другого языка, другого коллективного сознания, что мы и проиллюстрировали на лексическом материале, представленном концептами некоторых

эмоций в двух лингвокультурах.

Существующий в коллективном сознании любого этноса национальный миропорядок, национальный семантический универсум немислим без разветвленной системы оценок всего сущего, без отраженных в языке ценностных ориентиров. Каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции. Специфика этой проекции запечатлевается в языке, образуя языковую картину мира национального языка, и передается вместе с ней от поколения к поколению. В процессе этой передачи «человеку в языковой форме вводится программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира» [8, с. 108].

Национальный язык — это «стекло», через которое этнос видит единый инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого бытия. Эмоциональный концепт, бесспорно, является разновидностью культурного концепта и сохраняет все его свойства, дает полное представление о фрагменте соответствующего участка языковой картины мира. Отдельные участки языковой картины мира, соответствующие одному и тому же концепту, могут выступать в качестве основы при сопоставительном изучении языков, поскольку глобальные концепты являются общими для всех языков.

Список литературы:

1. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.
2. Красавский Н. А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. 2000. С. 18-28.
3. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 115 с.
4. Попова И. А., Стернин И. А. К методологии лингвокогнитивного анализа // Филология и культура: Материалы III международной конференции. Тамбов, 1999. С. 19-22.
5. Boas F. Race, language and culture. DigiCat, 2022.
6. Izard C. E. The psychology of emotions. Springer Science & Business Media, 1991.
7. Атакулова М. А., Абдыкадырова С. Р., Жанибекова Б. А. О статусе категории принадлежности // Известия Ошского технологического университета. 2022. №1. С. 265-270.
8. Иванов В. В. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации // Прикладная лингвистика и машинный перевод: Сборник статей. Киев: КГУ, 1962. С. 93-108.

References:

1. Shakhovskii, V. I. (1987). Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. Voronezh. (in Russian).
2. Krasavskii, N. A. (2000). Lingvisticheskie metody issledovaniya emotsional'noi kontseptosfery. In *Lingvisticheskie paradigmy: traditsii i novatsii*, 18-28. (in Russian).
3. Reikovskii, Ya. (1979). Eksperimental'naya psikhologiya emotsii. Moscow. (in Russian).
4. Popova, I. A., & Sternin, I. A. (1999). K metodologii lingvokognitivnogo analiza. In *Filologiya i kul'tura: Materialy III mezhdunarodnoi konferentsii, Tambov*, 19-22. (in Russian).
5. Boas, F. (2022). *Race, language and culture*. DigiCat.
6. Izard, C. E. (1991). *The psychology of emotions*. Springer Science & Business Media.
7. Atakulova, M. A., Abdykadyrova, S. R., & Zhanibekova, B. A. (2022). O statuse kategorii prinadlezhnosti. *Izvestiya Oshskogo tekhnologicheskogo universiteta*, (1), 265-270. (in Russian).

8. Ivanov, V. V. (1962). Yazyk v sopostavlenii s drugimi sredstvami peredachi i khraneniya informatsii. In *Prikladnaya lingvistika i mashinnyi perevod: Sbornik statei, Kiev*, 93-108. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 08.06.2023 г.*

*Принята к публикации
17.06.2023 г.*

Ссылка для цитирования:

Исакова М. Т. Концептуализация и категоризация эмоций как способ формирования национальной картины мира // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №7. С. 450-456. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/64>

Cite as (APA):

Isakova, M. (2023). Conceptualization and Categorization of Emotions as a Way of Forming a National Picture of the World. *Bulletin of Science and Practice*, 9(7), 450-456. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/64>